Лариса Райт

Моя сладкая жизнь

Часть сборника

Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лариса – филолог, и по образованию и по призванию. Считает, что слова не должны и не могут быть пустыми. Свои произведения старается наполнять словами жизнеутверждающими. Писать начала для того, чтобы постичь неиссякаемую многогранность человеческой души. Лариса считает, что личное счастье заключается в способности человека находить гармонию с окружающим миром и с самим собой.

- Лариса Райт
  - ○

Лариса Райт
Моя сладкая жизнь

Я ехала за Катей в школу. По радио играла какая-то легкая музыка, я подпевала, думая о том, что надеть вечером. У нас с мужем были билеты в театр.

Уже не помню, в какой и на что.

Кажется, мы должны были смотреть комедию – отвлечься от будничной круговерти с работой и двумя детьми, младшей тогда едва исполнилось семь месяцев.

Я перебирала в голове наряды, предвкушая долгожданное событие, когда зазвонил телефон. Я взглянула на номер, и улыбка в секунду сползла с моего лица. Я могла не снимать трубку – я тут же поняла все, что мне скажут.

Это был не просто звонок.

Этот звонок разделял всю нашу жизнь на «до» и «после».

Не знаю, каким чудом я продолжала вести машину. Не знаю, почему не бросила руль и не остановилась. Вообще такие разговоры за рулем не ведут. Наверное, несмотря на то, что интуитивно я знала, что ничего хорошего ждать не приходится, какой-то уголок подсознания все же надеялся, что ничего плохого еще не случилось.

Я ответила.

– Лариса, – тут же начала наш педиатр, – вы делали Кате анализ крови.

Последняя надежда окончательно разбилась о ее серьезный тон. Анализ мы сдали в пятницу. Сдали для собственного спокойствия – и забыли. В субботу отмечали день рождения мужа, в воскресенье приходили в себя после праздника, а сегодня вот понедельник, и, несмотря на начало трудовой недели, должен был состояться поход в театр.

У нас было прекрасное настроение.

Учебный год подходил к концу, куплены билеты на море, впереди отдых, каникулы, солнце и никаких забот…

– Да, Елена Владиславовна, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Лариса, сахар натощак – десять и шестьдесят шесть. Вы понимаете, что это значит?

Я понимала.

Именно поэтому мы и сдали анализ.

Года за полтора до этого у знакомых заболел ребенок, и мне рассказали симптомы. Когда я заметила их у Кати (резкое

похудение, обильное питье, частое мочеиспускание), то не могла не вспомнить о том, что слышала. Какое-то время я была страусом, который прячет голову в песок и старается ничего не замечать. Все вокруг радовались, что наша не полненькая, но крепко сбитая девочка вытянулась и постройнела, а я пыталась убедить себя в том, что все хорошо. Нет, с кем-то я делилась своими страхами, но знакомые рассказывали истории о том, как дети часто то набирают, то теряют вес просто из-за гормональной перестройки.

Девять лет? Так уже пора. Они сейчас все акселераты. Много пьет? Она по жизни водохлеб. С рождения не могли выйти из дома без бутылки воды. Как только садилась в машину, начинала ныть, что хочет пить. Часто писает? Да нет, просто наконец начала ходить в туалет, как все нормальные люди, а то сходит три раза за сутки – и все…

И мне почти удалось убедить себя в отсутствии проблемы. Хорошо, что не настолько, чтобы все-таки не сдать анализ для собственного спокойствия, хотя спокойствие мне теперь не грозило.

– Понимаю, – сказала я в трубку.

Наверное, мой голос звучал слишком глухо, потому что врач начала успокаивать:

– Однократное повышение глюкозы еще ни о чем не говорит. Надо пересдать, а потом делать выводы. Но, учитывая результат, лучше сделать это в стационаре. А почему вы решили сдать анализ? Обычно приходят ко мне, и я направляю…

– Просто у нее симптомы, которые предполагают, – я не смогла договорить название болезни.

– Похудела?

– На шесть килограмм.

– За сколько?

– За два месяца.

– Пьет? Писает?

– Чаще обычного.

– Лариса, надо ехать в больницу. Я могу вызвать «Скорую» прямо сейчас к вашему подъезду, и они повезут вас по результатам анализа.

– Хорошо, – согласилась я, а потом залепетала сущую ерунду:

– Елена Владиславовна, а она должна на следующей неделе ехать с классом в Ярославль. Она сможет поехать? Может быть, она сначала съездит, а потом мы проверимся?

– Вы все-таки не понимаете! Счет, возможно, идет на минуты, а не на дни, – отрезвила меня врач. – Я вызываю «Скорую».

Слезы уже градом катились по моему лицу.

Я наконец остановила машину, позвонила мужу на работу и сказала всего несколько фраз:

– Катюшин анализ плохой. Врач сказала: «Немедленно в больницу».

– Еду домой.

Муж поехал домой, а я в школу.

Мне предстояло самое сложное: сказать ей. Причем сказать, сохраняя спокойствие, которого у меня и в помине не было.

Кое-как я взяла себя в руки, отчаянно приказывая себе: «Не плакать! Не плакать! Не плакать!»

Для меня это очень сложно. Я реву по любому поводу. Слезы очень близко. Стоит услышать «Над землей летели лебеди» или посмотреть фильм про войну, как сразу шмыгаю носом и щеки мокрые.

Но сейчас я должна была перебороть себя во что бы то ни стало.

Мой ребенок шел к машине по школьной аллее.

Платье, еще недавно сидевшее в облипку, теперь болталось. Ручки торчали из рукавов-фонариков худенькими палочками. Огромный рюкзак оттягивал назад тоненькую фигуру. Она села в машину. Личико утомленное, под глазами – черные круги.

– Привет, мам. В музыкалку? – спросила, со всей вложенной в голос неохотой.

– Доченька, звонила Елена Владиславовна, твой анализ не очень хороший… – начала я, отчаянно стараясь вложить в голос нотки спокойствия.

– Что? У меня диабет?!

В отличие от меня дочь не боялась произносить это слово.

Дальше я всю дорогу говорила то, что только что услышала от врача. Может быть, еще все обойдется. Может быть, это ошибка. Нужно просто съездить в больницу и проверить. И так далее, и так далее…

Не знаю, верила ли она мне, но я сама себе не верила.

У подъезда уже ждали муж и «Скорая». Мы пошли в квартиру – осматриваться и собирать вещи. Врач говорила те же слова, что и педиатр: возможно, нет никакого диабета, а даже если и есть, то не так уж это и страшно.

Я решила, что она сумасшедшая.

– Первый тип никак не влияет на качество и продолжительность жизни, – уверенно говорила она, а я, кивая, думала о том, что она, наверное, считает нас полными идиотами, если говорит такое.

Мы ехали в машине «Скорой помощи», муж несся за нами по выделенке, Катя с очень важным видом лежала на кушетке.

Для нее все происходящее превратилось в занимательную игру. Во-первых, она верила, что все еще рассосется. Сейчас она поиграет в больницу – и поедет домой. А во-вторых, верила словам тети-доктора больше меня.

В приемном покое дочку забрали на анализ крови.

– Думаешь, это может быть ошибкой? – с надеждой спросила я у мужа, но он только покачал головой:

– Не думаю.

Вернулся наш ребенок, стал скакать по палате, задирать ноги в каком-то своем танце, что-то петь. Это ее обычное состояние. Ни минуты молчания и покоя.

Очень быстро пришла врач и обеспокоенно спросила нашу девочку:

– Как ты себя чувствуешь?

Мы, взрослые, тут же поняли: «Все».

– Нормально, – ответил ребенок, продолжая прыгать и кружиться.

– Сахар тридцать три, – сказала доктор. – Это коматозное состояние. Пойдемте в отделение.

В отделении стало спокойнее. Особенно когда мою дочь, отчаянно орущую в своем девятилетнем возрасте даже от намека на прививку, в две минуты научили делать себе укол инсулина. С одной стороны, она была жутко расстроена, а с другой – страшно гордилась тем, что теперь у нее есть личный гаджет под названием глюкометр и бордовая с серебристой окантовкой шприц-ручка, на которой курсивом выбито очень красивое имя Lilly.

Нас проводили в палату, где уже лежала тринадцатилетняя Полина.

– Новенькая? – поинтересовалась она. – А я уже семь лет болею.

– А почему сейчас в больнице? – спросила я.

– Что-то сахара расшалились, решили лечь. А вообще, надо каждый год ложиться.

– Зачем? – мне стало дурно.

– На обследование для инвалидности.

– Для инвалидности?!

Я поняла, что пугаю и себя, и свою дочь, и предпочла свернуть разговор.

К нам пришла дежурная врач (во второй половине дня никого из палатных врачей на месте уже не было). Она подтвердила

диагноз, выдала книгу о сахарном диабете первого типа, повторила, что ничего страшного с нами не случилось, и предложила остаться ночевать с Катей.

Я бы осталась с удовольствием, но дома ждала младшая, Машка, которую я еще кормила. Моя девочка ходила с Полиной знакомиться с другими ребятами, уже что-то рассказывала о том, кто, как и сколько болеет.

Рассказывала она с таким видом, будто сама уже болела лет двадцать, не меньше.

Теперь она сидела на кровати и играла с мужем в шашки, а я начала звонить.

Нашему педиатру, классному руководителю, хормейстеру музыкальной школы, руководителю танцевальной студии – всем объясняя одно и то же: – У нас диабет. До конца учебного года не придем.

Еще я позвонила своему редактору, чтобы сказать, почему не смогу завтра приехать в издательство.

Я звонила не для них – для себя. Чем большее количество раз я произносила название болезни, тем больше к ней привыкала и тем меньше она меня страшила.

Или мне просто так казалось.

Организм включил защитный механизм действий на автомате: больше делать и меньше думать.

Мы с мужем вышли из больницы и поехали домой.

Молча.

Оба были в состоянии шока, а еще – оба думали: как сказать родителям?

Он позвонил своим из машины. Охи и ахи свекрови остановил очень быстро:

– Мама, ничего ужасного не случилось.

– Как ничего ужасного?! – услышала я всхлипы свекрови. – Это же ДИАБЕТ!

– Да, диабет, но не конец света. С ней все хорошо, мам.

Он говорил в трубку, а я понимала, что все это он говорит и для меня тоже, потому что мне, как и свекрови, ужасно хотелось плакать, причитать и кричать на весь белый свет о том, что это ужасно!

Дома нас ждала няня с малышкой. Я разрыдалась в ее объятиях, а она гладила меня по голове и повторяла:

– Ну что вы, Ларисочка? Не надо, девочка моя, ничего страшного.

Мне стало стыдно, потому что эта женщина полгода назад похоронила своего погибшего в аварии двадцатилетнего сына.

Вот у нее – трагедия, а у меня – так, небольшие жизненные трудности и не более…

Каким-то образом – то ли из-за силы характера, то ли из-за лучшего понимания жизни – моему мужу удалось воспринять все случившееся именно так.

Мне было гораздо сложнее.

Да, умом я понимала, что если этому дано было случиться – то счастье, что случилось именно так. Что вовремя сдали анализ, что вовремя оказались в больнице…

Но толку от моих самоутешений было мало.

К тому же мне еще предстоял разговор со своими родителями. В чем-то мне было легче, чем мужу. Мои – не из тех, кто психует. А в чем-то – гораздо тяжелее. Мне так нужна была мама, мне так хотелось уткнуться в ее плечо и выплакать в него все происшедшее! Но мама была далеко – за тысячи километров. Они отдыхали на море, а я должна была этот отдых нарушить. Они ничем не могли помочь, и, набирая номер, я сто пятьдесят раз успела приказать себе держаться, чтобы у них не возникло сомнения в том, что я справлюсь.

Однако совсем беззаботного тона не получилось.

Хоть я и начала разговор с банального вопроса: «Как дела?», папа тут же спросил: «Как у вас?» – и пришлось выдать правду:

– Катя в больнице. Анализ плохой.

– Какой плохой?

– Десять натощак, а в больницу приехали – тридцать три.

– Ты ничего не путаешь? – переспросил мой папа, который к тому времени уже несколько лет принимал сахаропонижающие таблетки. – Может быть, три и три? Так это хороший сахар, даже низкий.

– Я не путаю, пап: тридцать три! В больнице она будет дней семь-десять. Наверное, надо будет менять билеты.

Через две недели дети и я должны были лететь к родителям.

– Я пока еще ничего не знаю, завтра буду говорить с врачом…

Мои тактичные родители не стали меня мучить, хотя наверняка провели бессонную ночь, штудируя Интернет в поисках информации о свалившейся на нас болезни.

Я же, как ни странно, спала как убитая.

Проснулась только для того, чтобы покормить Машку, потом взяла ее к себе под бочок, уткнулась в светлую, пахнущую детством спасительную макушку и снова провалилась в сон. Наверное, организм сознательно берег мне силы. Если бы я еще и не спала, скорее всего, не выдержала бы поселившегося во мне напряжения.

Потянулись больничные будни.

Мой ребенок каждый день встречал меня «оптимистичной» новостью:

– Я теперь диабетик, – последнее слово окрашено всеми возможными красками презрения.

– А когда я вырасту, мне отрежут ноги.

– Я не человек, а инвалид.

Хорошо, что время позволяет забывать, и я помню не все ее «внушающие бодрость духа» перлы. Могу только представить, что творилось у нее внутри, какие переживания раздирали ее детское сердечко!

Но, с другой стороны, детство – это такое счастливое состояние, когда ты легко умеешь абстрагироваться от реальности. Она посылала свои мысли в пространство, а через пять минут уже не слушала мои слова успокоения, а хохотала с новыми подружками над какой-то картинкой в журнале. Она спокойно колола свои пальцы, мужественно ела больничную бурду и радовалась тому, что «сахара» медленно, но верно ползут вниз.

Я с утра до вечера торчала в больнице, умудряясь по несколько раз сцеживать молоко для младшей.

Не знаю, каким чудом оно не пропало.

Наверное, все та же мобилизация организма – отвлекающий маневр переключения мыслей.

Он действовал, но слабо.

Я пять раз прочитала книгу о диабете, которую подарили в больнице, и исследовала виртуальное пространство вдоль и поперек. Я бесконечно говорила по телефону: и оказалось, что практически у каждого моего друга или родственника был какой-то знакомый с этим диагнозом, который прекрасно выглядел, отлично себя чувствовал и жил полной жизнью.

Умом я уже понимала, что диабет – никакой не приговор, я даже могла как ни в чем не бывало произносить: «Техническая болезнь, не более того».

Но ведь все эти прекрасно выглядящие и отлично себя чувствующие были посторонними людьми, а рядом была моя доченька. И это у нее будут исколотые пальчики, шишки от уколов и раненая душа…

Но это были внутренние переживания.

А внешне надо было сохранять спокойствие – и ради нее, и ради других близких.

Надо отдать должное моим родителям, которые ни словом, ни охом не дали мне понять, насколько им больно и страшно.

Каждый день мы повторяли друг другу фразу о том, что с этим можно нормально жить (а это действительно так), и это помогало.

Да, сейчас, конечно, я уже научилась видеть плюсы в случившемся. Сейчас я говорю себе, что случившееся – счастье, по сравнению с другими страшными диагнозами, которые бывают у детей. Счастье и то, что мы все сделали вовремя и оказались в больнице, а не, например, на экскурсии с классом в Ярославле, где Катюша могла бы впасть в кому, и ее бы просто не стало…

Это понимание, кстати, пришло довольно быстро, но оно не отменяло переживаний и от уже случившегося, и от того, что еще может случиться. Несмотря на все изученное и прочитанное, казалось, что о диабете я знаю только слово.

Исправить ситуацию должна была «Школа диабета» – краткий трехдневный курс для родителей о жизни после больницы.

В первый день рассказывали о том, как бороться с высоким и низким сахаром, во второй – о том, как кормить и какие продукты на сколько поднимают сахар. Я исправно записывала, а дома перечитывала и старалась запомнить, осознать и разложить услышанное по полочкам сознания.

В последний, третий день обучения докладывали об осложнениях диабета, говорили о том, сколько процентов диабетиков имеют проблемы с глазами, почками и проводимостью нервных волокон.

И вот здесь мое сознание отключилось.

Нет, я все записала, но даже не перечитывала и тем более не учила. Внутренний голос кричал о том, что мне этого не надо и с нами этого не произойдет.

И хотя упрямая, до дыр зачитанная книга твердила о том, что, к сожалению, осложнения случаются и при хорошей компенсации диабета, я предпочитала повторять другую цитату: «Человек с компенсированным диабетом – здоровый человек».

Нас выписали.

Стоя у ворот больницы, мы обернулись и посмотрели на окна эндокринологии.

Я сказала Кате:

– Просто скажи: «Я сделаю все, чтобы не возвращаться сюда».

И мой маленький мужественный человечек произнес эти слова так, будто давал самую важную в жизни клятву.

Уже через неделю дети и я летели к маме на Кипр.

Она встречала в аэропорту. Наверное, если бы одна из нас дала слабину, слезы полились бы фонтаном. По-моему, я даже как-то скомканно ее обняла, чтобы только не дать волю накопившемуся напряжению излиться наружу.

– Я только посмотрю, как ты все делаешь, – сказала мама, – и научусь.

И она научилась.

Уже через несколько дней она легко могла отмерить ребенку еду, не сверяясь ни со мной, ни со специальной таблицей.

Мы вели обычную жизнь отдыхающих: купались, загорали, ходили в рестораны, пытаясь угадать, сколько же надо ввести инсулина на лежащую в тарелке еду. Все было как всегда, за исключением измерений сахара и частых объявлений:

– Мне что-то нехорошо. Пойду померяю.

И через тридцать секунд:

– Два и восемь (три и один, один и шесть), дайте конфету.

При всех больничных угрозах возможного впадения в кому от пропущенного низкого сахара, этого я не слишком боялась. Катя исправно чувствовала приближение этого состояния тогда, когда до него было еще очень далеко.

Гораздо больше меня пугали «высокие сахара». И хотя их причиной тогда практически всегда была неправильно просчитанная ресторанная еда, я каждый раз не могла уснуть до тех пор, пока сахар у дочери не приходил в норму. Бегала мерить уровень глюкозы спящему ребенку, а в перерывах изводила себя совершенно непродуктивными мыслями о том, почему, для чего и зачем это с нами случилось…

Мама уехала, прилетел муж.

Я болела синдромом отличницы: в доме должна быть вкусная еда, красивая жена и счастливые дети. Я только забыла о том, что жене тоже неплохо бы быть счастливой…

Я чувствовала, что между нами – взрослыми – что-то не так.

А когда наконец появилось время и желание для откровенного разговора, и я заявила, что совершенно не понимаю, что происходит, мой муж ответил, что он понимает прекрасно:

– Все очень просто. Нас в постели трое.

Я опешила.

Как это трое?

Мы на отдыхе, все замечательно, никаких других женщин, а тем более мужчин не было даже на горизонте.

О ком он? О Маше? Да, спит с нами в комнате, но в отдельной кровати. Просыпается и ест по ночам? Я даю ей бутылочку, а потом иду вниз сцеживаться (каждый день с пяти до шести утра, потому что в месяц моя маленькая лентяйка бросила грудь и предпочла кушать из бутылочки). Ну, так муж в этот час даже не просыпается.

О ком же третьем идет речь?

На мой молчаливый вопрос муж охотно пояснил:

– Ты, я и диабет.

Это меня отрезвило.

Надо было пытаться жить нормальной жизнью не только внешне, но и внутренне. Ему нужна была прежняя женщина, легкая, веселая, жизнелюбивая, а не только и ждущая напряженно по несколько раз в день: какой результат покажет глюкометр, и умеющая рассуждать только о том, какой продукт, сколько содержит углеводов.

Изобразить внешнее спокойствие, меньше говорить о болезни было не так уж и сложно.

Но «не говорить» – не значит «не думать».

Внутренне я жила от измерения до измерения – и ничего не могла с этим поделать.

Так продолжалось месяц, два, четыре.

Катя пошла в школу и с удовольствием мерила сахар всему классу. Она была не просто не такая, как все – сладкая девочка, у нее к тому же был гаджет, недоступный другим.

Ее жизнь не претерпела особых изменений. Она занималась физкультурой, хотя больничные доктора настойчиво советовали этот школьный урок не посещать, ходила на танцы, которыми занималась с трех лет, и в музыкальную школу. Только добавилось простое правило: перед физической нагрузкой померяй сахар, и если он низковат, съешь что-то углеводистое.

Наверное, в моей девочке тоже живет синдром отличницы, раз она научилась безоговорочно это соблюдать. Она научилась «считать» школьные обеды, пользоваться глюкометром, не стесняясь, и открыто говорить: «У меня диабет».

Она так многому научилась всего за несколько месяцев, а я не научилась элементарному: не начинать разговор, когда встречала ее из школы, с показателей сахара, не вздрагивать, когда видела на дисплее незнакомый телефонный номер, от страха, что что-то случилось с ней, и спокойно спать по ночам, независимо от ее показателей.

Я знаю, что это было неправильно, разрушительно и даже просто глупо настолько себя изводить, но, возможно, именно благодаря этому настрою на исключительно хороший результат мы, сдав в сентябре анализ на гликированный гемоглобин (среднесуточный показатель глюкозы в крови за три месяца), получили норму, хотя врачи утверждали: если вам удастся за это время снизить хотя бы на один ммоль – это уже достижение.

Мы снизили на четыре.

Но даже это хорошее известие не помогло мне успокоиться.

Жизнь под внутренним девизом «хороший сахар»

продолжалась. Впереди было новое испытание.

Благостный период, когда сахар держался в относительной норме, закончился через полгода.

Начались непонятные и необъяснимые скачки. Катя поднимала от глюкометра полные слез глаза и говорила:

– Я не хочу в больницу!

– Какая больница? – невинно удивлялась я. – Мы же с тобой обещали друг другу…

Я не посадила ребенка дома и ни в чем не ограничила.

Она шла на занятия и с сахаром шестнадцать, и с сахаром двадцать семь. Кто-то назовет меня ненормальной, но я хотела одного: не дать ей почувствовать, что происходит что-то страшное, что я чего-то боюсь, хотя боялась ужасно.

В метаниях прошло два месяца, а потом, по стечению обстоятельств, мы попали к доктору, который предложил нам поставить инсулиновую помпу. Можно считать ее искусственной поджелудочной железой, можно назвать инсулиновым мини-компьютером – не важно. Главное, что этот аппарат, в отличие от шприцов, производит гораздо более точный расчет доз инсулина и имитирует работу здоровой поджелудочной железы.

Мой ребенок, к тому времени уже очень напуганный своими показателями, сразу согласился, хотя до этого она никогда не выражала восторга по поводу того, что из ее тела все время будет торчать какая-то трубка, а на поясе висеть непонятная штуковина, напоминающая пейджер.

Помпа быстро вернула показатели к норме, но обращение с ней требовало определенных навыков.

Надо правильно вкалывать катетеры, надо следить за тем, чтобы в трубочке не образовывались пузырьки воздуха, надо, наконец, просто аккуратно и бережно с ней обращаться, а аккуратность, увы, пока не конек моей дочери.

А еще надо уметь поднимать Катю на смех, когда она заявляет, что «никто ее не полюбит с такой исколотой попой».

Надо не реагировать на ее внезапные приступы ненависти к помпе, которые случались все реже и реже.

Помпа не мешала, а помогала жить – и это тоже надо было понять.

Вообще диабет – это одно сплошное «надо», лишенное любого «хочу – не хочу». Я научилась даже видеть плюсы в этой болезни. Она учит организованности, самодисциплине и стойкости.

Пока – больше учит меня, но у доченьки еще будет время наверстать…

Прошло два года с начала нашей «сладкой» жизни.

В больницу мы ни разу не возвращались. Обследование на инвалидность можно пройти и за один день. Правда, для получения пресловутой бумажки и связанных с ней льгот надо каждый год проходить еще сто пятьдесят инстанций, но это отдельная тема.

За два года мы, конечно, «уже» привыкли к болезни, но по сравнению с целой жизнью – это только «еще». Кате многому предстоит научиться, да и мне тоже. Ей придется оторваться от моей юбки, а мне – позволить ей это сделать, ничего не страшась.

Но главного мы уже достигли.

Нам удалось сделать диабет не руководителем нашей жизни, а всего лишь фоном. Она хочет быть актрисой и родить троих детей. Не знаю насчет актрисы, а с детьми точно все получится. Она научилась почти безошибочно на глаз определять количество углеводов в куске пирога, а я наконец-то научилась спать, даже если дочь легла с «плохим сахаром». Я знаю, что этому есть объяснения, и они могут подождать до утра.

Теперь я хочу руководить диабетом – не желаю, чтобы он руководил мной!

Как получилось преодолеть ситуацию?

Просто прошло время.

Человек верткое существо – ко всему привыкает.

К тому же в жизни так много хорошего: любовь и поддержка мужа и родителей, растущие дети и замечательные друзья. Без них было бы гораздо тяжелее.

И все же все основные страхи я преодолела сама.

Конечно, еще не до конца.

Пару месяцев назад моя младшая вдруг на несколько дней начала больше обычного пить и писать. Как только я сказала об этом, Катя тут же схватила глюкометр и побежала мерить ей сахар.

Одному Богу известно, что пережила я за секунды перед тем, как услышать нормальные показатели.

Этот страх никуда не денется. Он будет жить со мной, но я научусь управлять и им, как научилась управлять диабетом.

Можно жить и верить в то, что Катюша станет одним из тех немногочисленных подростков, у которых в переходном возрасте под влиянием гормональных изменений болезнь пройдет. Можно надеяться, что, несмотря на сильнейшее лобби производителей инсулина, каким-то чудом кому-то удастся не просто изобрести искусственную поджелудочную железу, но и запустить ее в массовое производство…

Я об этом не думаю.

А может быть, просто не слишком верю в это.

Но зато я твердо верю в то, что моя девочка будет жить долго и счастливо.

С диабетом или, даст Бог, без него.